

«Прикрыл бы, что ли», – скривился Арсений и поздоровался с Пашей, выносящим окровавленную, разрубленную надвое мышь в детском совке для игры в песочнице. Столкнулся с ним на лестничном марше к последнему этажу, лифт в блочных пятиэтажках не предусматривался. Детей у Кати и Паши Соколовых не было, а совок был откуда-то, как въехали, всегда. «Ты к нам? – спросил Паша и опустил руку с совком, стараясь убрать с глаз, ближе к перилам. – Всю неделю шуршала обоями за мебелью, по трубам бегала». «Смущение оставляет ему шанс», – подумал Арсений и ответил: «А к кому еще?» Арсений не питал по отношению к Паше никаких иллюзий, вообще не питал иллюзий относительно большинства населения, независимо от цвета кожи и разреза глаз охочего до зверств. Открыла Катя.

«Привет». – «Привет». – «Флешку пока не нашла, надо в пристенном поискать, в коробках. Проходи, не стой». Арсений прошел, сел за стол. Катя принесла поднос, спохватилась, что забыла чашку, пошла на кухню. Арсений поправил скатерть, взволнованную подносом, на котором блюдец варенья с вишневыми отмелями и кочками ягодок; белоснежный фаянсовый чайник с потемневшей полостью носика, по которому побежит терпкий аромат, на выпуклых боках – китайянки в красном с высокими черными прическами, прижученными длинными шпильками; закрывающие половину лица веером, как оторванными крылышками той же бабочки Чжуан-цзы, решившего, вопреки дао, разорвать неопределенность – так кто же спит всё-таки? А сахарница, доверху груженная рафинадом...

Арсений приостановил себя. Рассматривая неодушевленные вещи, в особенности бытового назначения, на порядок меньше тратишь энергии, чем при концентрации на дышащ ей материи, но вырабатываемая сознанием импровизация в основном лежит в эстетической плоскости,

вскользь касаясь этики, и тогда есть искус стать жертвой бесплодных, хотя местами выразительных и точных, сравнений, как бывало со стихами акмеистов в начале творческого пути. Вернулся Паша. Грохнула, включившись, колонка – так, что открылась дверь ванной комнаты. Паша сел напротив Арсения, вытирая руки платком: «Полотенца нет, я бы тоже чайку». Катя принесла две чашки, глянула на Пашу, Арсения: «В стирку бросила, сами разливайте, я флешку поищу». Она выкатила ящик на колесиках из шкафа до потолка, нет, тут одни тряпки, разочарованно пробежала по ним рукой, задвинула, второй – с бижутерией, коробочки, коробочки, здесь может быть, и, спиной к Арсению, торжественно приподняв интонацию, сообщила, что Паша крестится, к батюшке ходили, повернулась, тряхнула круглую, пластиковую коробочку, не пустая, и, пробуя разомкнуть её, загадочно улыбнулась: «Как некрещеным быть, если у нас такое событие, ожидаем мальчика?» Арсений удивленно посмотрел на её гибкую фигуру, задержал взгляд на животе, обтянутом маечкой, пожал плечами, но спросил: «Скоро?» «Заповеди выучил, молитву нет, путаюсь, стихи в школе плохо наизусть заходили, время – неделя, двойку не поставят», – разлил чай по чашкам и засмеялся Паша. А Катя, с обидой на резьбу, притопнув ножкой: «К осени ждем... Паше белую рубашку отгладила, полотенце новое для этого дела купили, с батюшкой беседа была». «Надо, надо, все крещеные, а я нет, нехорошо получается, как этот, иноагент», – засмеялся Паша. «Язычник, язычник!» – подхватила Катя; а Паша нарочно сделал лицо глупым, высунул язык и загоготал. Паша работает машинистом в метро, Катя – специалист по продаже туристических услуг. Катя просила флешку для мужа. Арсений знал Катю с детства, их родители дружили, вместе с ней учились в одной школе, в одном классе, случайно встретились несколько лет назад, она уже была Соколова, оказывается, живут через два дома, а флешка мужу теперь без надобности, крестится, а Арсений загорелся одной темой, вспомнил, что на том носителе что-то такое было, а откуда скачал, не вспомнить. «Дай мне», – Паша встал, подошел к Кате и протянул руку. «Смотри не скрути, пригодится еще», – Катя выпрямила ладонь с коробочкой и подвинулась, раскрыв до упора дверцу с зеркалом, которое на всю внутреннюю сторону полотна умножило Соколовых на два. Коробочка под брошь из фальшивых камней, сбрызнутых лимонным золотом, на булавке из натурального металла, переключалась с излучающих теплоту женских пальцев в грубые мужские руки, повторяя свой путь в плоскости отодвинутой мнимости, сохраняя при этом вместе с передающим и берущим её субъектами удивительно точный светоносный реализм, как на картинах «малых голландцев». «Имитация!» – вспыхнуло слово у Арсения. Страдая бессонницей, Арсений нашел противоядие нескончаемой хаотичной череде образов, мешающих погрузиться в спасительный сон, когда он закрывал глаза. Транквилизаторы отшел сразу, дабы не стать заложником химии, а вот если не пытаться безуспешно выкинуть их из головы, ворочаясь с боку на бок, но одним словом обозвать весь пул невротичных переживаний, материализующихся в этих картинках, по телу побежит успокоительный холодок, мгновение – и ты уже сладко спишь. Этот найденный бессонной ночью метод сработал и сейчас, бабахнув словом «имитация». Флешка, к радости Кати и безразличию Паши, оказалась в этой коробочке. «Нашли!» – как драгоценность, держала Катя её двумя пальчиками, а Паша шумно закрыл шкаф, загнав в его темноту вторых себя и жену.

«Имитация, именно имитация, и ничто иное, – выхватив это слово, рассуждал Арсений, направляясь домой, – составляет и суть межличностных отношений, и ею пронизана вся жизнь институтов социума». А поднимаясь на свой этаж, перешел к широким обобщениям, уводящим в глубины тайн бытия. Но обо всем по порядку. По образу и подобию, как записано и повторяется на всех языках, сотворен человек и строит свои отношения с себе подобными. Входит в храм, который должен быть его домом. В храме человек проходит из притвора к алтарю, поднимается от земли к небесам; храм сияет и высится и вещает символами и словами царства Божия, в храме человек получает облачение, окормление, освящение, которые призваны приблизить к миру невидимому, дать видимость сокрытого. Повторяет путь жертвы и искупления ея. Но обряды таинств – Арсений нащупал ключ в кармане, открыл дверь – без веры – пустая трата времени, претенциозно обставленная пародия, а ежели совсем рискованно сказать – зарубленная мышь у газовой плиты. А вера всегда к чему-то приложена, в данном случае к признанию истины, которая откуда-то и кем-то передана, истины в последней инстанции, первопричины всего сущего, из чего всё берется и куда всё уходит. Арсений включил компьютер, в разъем вставил флешку, открыл файл со статьей, в которой развивается идея, лежащая на стыке физики элементарных частиц и философии, применительно к человеку. Арсений прокатал текст несколько раз, вчитываясь в заключения, подчеркивающие абзацы, желая пробиться в иное измерение, расшатывая забор букв протиснуться в поле смыслов, стоящих за словами. В конце текста выводилось парадоксальное утверждение, что человека как самостоятельной единицы нет в отражении, чем является сейчас его жизнь, образуемая светом элементарных частиц, и нет натуры, отдельно стоящей, с чего происходит отражение, то есть бога, или первопричины, источника элементарных частиц, как называть, по усмотрению, но есть сама природа зеркала, его энергия, а это и есть человек и бог, или первопричина, в одном лице. Это было слишком глубоко и далеко, а о том, что ходит, говорит рядом, пьет чай – ничего окончательно проливающего свет Арсений не нашел, никакого другого слова, помимо «имитация», чем можно было назвать нашу жизнь, не появилось; вера вне факта и обоснования – возможно, это когда-нибудь у него получится, кто знает? Но, может быть, это не проблема Арсения, а такого слова не существует? Он выключил экран. И когда яркий свет взорвался в темное ничто, у Арсения спонтанно загорелся экран памяти: окровавленная мышь, лежащая на детском совке, и пробежали титры – «Не убей!»).